

К АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ АЛТАИСТИКИ

Важность сравнительно-исторического исследования алтайских языков, взятых в целом, или их отдельных групп — тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, а также корейской и японской — не вызывает каких-либо серьезных сомнений, несмотря на значительные трудности, возникающие в данной отрасли компаративистики. Этим определяется и особая актуальность ряда теоретических проблем алтаистики, многие из которых являются остродискуссионными. Центральной из них была и остается проблема происхождения материальной и структурно-типологической общности алтайских языков — общности, выявленной в результате довольно длительного сравнительно-сопоставительного, а затем и сравнительно-исторического изучения указанных языков лингвистами различных специальностей, школ и направлений.

Для основоположников современной научной алтаистики, сложившейся в последние полвека, исконное родство алтайских языков представляется бесспорным. Об этом свидетельствуют установленные алтаистами-компаративистами фонетические и морфологические соответствия между группами алтайских языков, прежде всего такими, как тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская¹.

Алтаистика в этом ее понимании определяется как одна из составных частей современного сравнительно-исторического языкознания, о чем недавно писал Э. А. Макаев, отметивший попутно, что «влачившая долгие годы жалкое существование алтайская гипотеза постепенно, но неуклонно превращается в строго научное и хорошо фундированное сравнительное алтайское языкознание»². Как опытный теоретик-компаративист Э. А. Макаев вместе с тем решительно возражает против известных попыток при объяснении природы алтайской языковой общности взаимодействовать или совместить понятия «лингвистической семьи» и «языкового союза». Только на базе генетически родственных языков, восходящих к общему языку-предку, может быть создана

сравнительно-историческая грамматика соответствующих языков. Возможность создания такой грамматики — убедительное доказательство генетического родства (а не одного лишь взаимовлияния) той группы языков, по материалам которой такая грамматика может быть создана ³.

Известно, что основы сравнительно-исторической грамматики (фонетики, морфологии), а также сравнительно-исторической лексикологии (этимологии) алтайских языков усилиями видных алтаистов-компаративистов нашего века созданы и, несмотря на порой уничтожающую, но далеко не всегда научно обоснованную критику, продолжают разрабатываться путем расширения языковых источников, уточнения или пересмотра отдельных выводов, совершенствования методики исследования, углубления предложенных реконструкций, пересмотра исходных праязыковых схем и систем архетипов.

Тем не менее, генетическое родство алтайских языков в силу ряда обстоятельств (в том числе и объективного свойства) не считается некоторыми алтаистами (сторонниками алтайского сравнительного языкознания) доказанным со всей необходимой убедительностью, а противниками «так называемой алтайской гипотезы в языкознании» начисто отрицается без каких-либо серьезных, как правило, компаративистических аргументов.

Так, например, В. Л. Котвич, много сделавший для развития сравнительного алтайского языкознания и монголоведения, в посмертно изданном труде пришел к заключению, что основу алтайской языковой семьи составляют не генетические связи, а типологическое сходство. Ставя под сомнение вопрос об общеалтайском языке, этот крупный ученый, правда, вместе с тем писал: «Во всяком случае существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры. В эпоху гуннов (начиная с IV— III вв. до нашей эры) уже существовали совершенно обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различным словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически ⁴.

Каких-либо доказательств для столь недалекой во времени (около 3

тысячелетий тому назад) локализации праалтайского языка и для столь же скоротечного обособления (в течение 6 — 7 веков) выделившихся из него пратюркского, прамонгольского и пратунгусского языков В. Л. Котвич не привел и привести, как кажется, не мог. Темпы развития языков или диалектов (в частности, их дифференциация и интеграция) в разные общественные эпохи очень различны. И чем глубже мы будем мысленно уходить в историю разных (в том числе первобытных) этнических общностей — носителей соответствующих языков (или диалектов), тем темпы общественного и языкового развития будут, как правило, значительно снижаться. Таковы уж общие закономерности развития ранних, доклассовых, обществ и сменивших их со временем обществ раннеклассовых.

Для ряда других сторонников сравнительного алтайского языкознания, немало сделавших для его развития, вопрос о происхождении алтайской языковой общности остается открытым, хотя алтайская теория (теория генетического родства алтайских языков) не только ими не отвергается, но и признается весьма полезной, заслуживающей всяческого внимания и дальнейшей разработки, поскольку она представляется «очень вероятной» и применяется сторонниками алтаистики в их исследовательской работе.

Так, например, выдающийся венгерский лингвист Л. Лигети, как видно и по его работам, опубликованным на страницах журнала «Вопросы языкознания»⁵, неоднократно подчеркивал особые трудности, связанные с окончательным и безупречным решением проблемы происхождения алтайской общности. Главной из них, по его мнению, является нелегкая задача разграничения элементов возможной генетической общности, следы которой могут быть обнаружены во всех алтайских языках, от элементов общности вторичной, развивающейся в разные периоды тесных контактов тех или иных алтайских народов на протяжении по крайней мере двухтысячелетнего периода. Взаимные лексические заимствования не только из одних алтайских языков в другие, но и заимствования из неалтайских языков (явления субстрата или суперстрата) привели к значительной лексической общности вторичного порядка и дали основания для установления разного рода соответствий, не относящихся к общеалтайскому праязыковому наследию, что создает большие трудности для

применения сравнительно-исторического метода. «Не подлежит сомнению,— писал Л. Лигети,— что в своих сравнительно-исторических исследованиях в области алтаистики мы должны опираться только на тот языковой материал, который в отдельных языках может рассматриваться как непосредственное продолжение алтайского языка-основы»⁶.

И хотя списки различного рода лексических заимствований (по преимуществу достаточно поздних, начиная примерно с XIII в. нашей эры) давно уже опубликованы алтаистами, и составляют сотни лексем, задача отделения заимствований от общеалтайского наследия ввиду ее особой сложности не может быть признана выполненной.

Считаясь с обилием вторичных сходств в области лексики различных алтайских языков, Л. Лигети в статье, посвященной критическому разбору одной из явно несостоятельных попыток опровергнуть алтайскую теорию с помощью лексикостатистики⁷, писал: «... именно в случае генетического родства различные алтайские языки дадут чрезвычайно низкий процент общих элементов алтайского «основного словаря» и чрезвычайно высокий процент элементов, относящихся к лексике после отделения языков»⁸.

Должно быть, поэтому и считаясь с тем, что многие соответствия в классической алтаистике основаны на заимствованной лексике, А. Рона-Таш, развивая точку зрения Л. Лигети на проблему происхождения алтайской общности, заметил: «...если алтайские языки генетически родственны, то доказываемся это не на основании соответствий, а вопреки соответствиям, приводимым до сих пор в пользу алтайской гипотезы»⁹.

Постановка вопроса в виде альтернативы — или праязыковое наследие или заимствования — при решении алтайской проблемы не является, на наш взгляд, достаточно корректной и находится в противоречии с общим выводом автора, которому, как он пишет, не хотелось бы исключать возможности праалтайского «остатка» после исключения всех заимствований выявленных и еще не выявленных¹⁰.

Важно подчеркнуть и то, что даже если бы генетическое родство алтайских

языков, которое в отличие от весьма близкого родства внутри каждой из алтайских групп, может быть только весьма дальним, было бы когда-нибудь опровергнуто¹¹, то алтаистика не исчезла бы бесследно. Целью алтаистических исследований явилось бы и в этом случае освещение тех глубинных закономерностей развития алтайских языков, к которым, по заключению Л. Лигети, «ни тюркологи, ни монголисты, ни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам сами по себе не могут даже приблизиться»¹².

Иначе говоря, принцип историзма не может быть осуществлен при исследовании многих нерешенных или еще не поставленных вопросов исторической тюркологии, монголистики или тунгусо-маньчжуроведения без разработки проблем алтаистики, несмотря на те исключительные трудности, которые связаны с решением одной из ее важнейших проблем — проблемы происхождения общности алтайских языков, взятых в целом. Вопрос о том — нужна ли алтаистика или ее следует «закрыть» — явный анахронизм, плод печального недоразумения.

Таковы сходства и важнейшие различия во взглядах на алтаистику, ее проблемы и цели, между алтаистами, т. е. сторонниками алтайского сравнительного языкознания.

Совершенно иначе оценивают данную отрасль науки о языке противники алтайской теории и алтаистики вообще. Не останавливаясь здесь да возражениях лингвистов, слабо искушенных в компаративистике, или просто не верующих в родство недостаточно известных им различных алтайских языков и, в частности, потому находящих алтаистику излишним бременем и для себя, и для тех, кто ею так или иначе занимается, остановимся на некоторых принципиальных возражениях против алтаистики компаративиста Г. Дёрфера — одного из наиболее настойчивых, хотя и не во всем последовательных противников алтайской теории.

Неоднократно объявляя без каких-либо убедительных аргументов выводы (или даже предположения) о генетическом родстве между известными группами алтайских языков абсолютно несостоятельными, а так вааываемую «старую

алтаистику» не только бесполезной, но и вредной (destruktive), Г. Дёрфер в одной из своих статей, посвященной методике сравнительной фонетики тюркских языков ¹³ и являющейся по существу рецензией на «Сравнительную фонетику тюркских языков» А. М. Щербака (тоже одного из противников «алтайской гипотезы в языкознании») ¹⁴, еще раз предложил отказаться от тех методов, которыми пользуются алтаисты, находя, что методы эти, разработанные «трижды святой индоевропеистикой», в сущности не применимы для исследования алтайской языковой общности ¹⁵.

Г. Дёрфер высоко оценил смелость автора указанной «Сравнительной фонетики тюркских языков», оставившего, по словам рецензента, «изъезженный и ведущий в тупик путь старой алтаистики», (стлб. 325), но вместе с тем заявил, что и «новый путь» (стлб. 325), избранный А. М. Щербаком, оказывается тоже «во многом ложным» (стлб. 325), ибо «по одним только современным тюркским языкам невозможно реконструировать пратюркский язык» (стлб. 332). «Прискорбным недостатком» указанной работы рецензент считает то, что автор ее «работает неисторически» (стлб. 327).

Что нее предлагает Г. Дёрфер вместо этих двух якобы в равной мере ложных путей?

Оказывается, их синтез — «синтез более старых алтаистических тезисов и более новых антитезисов» (стлб. 325).

Не подменяется ли здесь общеизвестное понятие «синтеза» рекомендацией механического соединения алтаистики и антиалтаистики — вещей несовместимых или совместимых, быть может, только эклектически? Да и может ли дать синтез старых и новых, но в равной мере ложных, по мнению Г. Дёрфера, путей что-либо позитивное третье?

Общность алтайских языков, выявленную алтаистами, Г. Дёрфер рекомендует объяснять только заимствованиями — из тюркских в монгольские, а из монгольских в тунгусские. С запада на восток. И только!

Не предполагает ли такая односторонняя география заимствований

абсолютно стабильного расселения различных групп алтайских народностей и племен от неолита до наших дней? Считается ли автор этой странной теории с документально засвидетельствованными в различных исторических хрониках многочисленными передвижениями предков современных алтайских народов с востока на запад и с запада на восток, с юга на север и с севера на юг?

Как компаративист, основательно знакомый с опубликованными в разное время алтаистическими исследованиями, Г. Дёрфер, конечно, знает, что во всех группах алтайских языков наряду с множеством лексических заимствований, отмечаемых в литературе ¹⁶, имеется немало и общеалтайских слов или корней, о которых невозможно сказать, кто у кого их заимствовал и заимствовал ли вообще.

Поздние (или относительно поздние) лексические заимствования (культурные слова, многие этнографизмы или географизмы, а в ряде случаев и отдельные числительные или некоторые иные слова из так называемого основного лексического фонда) выявляются в отдельных группах алтайских языков достаточно убедительно, что так же относится и к заимствованиям из неалтайских языков (некоторых семитических и индоевропейских, китайского и тибетского). Сложность проблемы заимствований определяется другим: весьма длительными (на протяжении тысячелетий) контактами различных алтайских племен и народностей с различной степенью интенсивности этих контактов. Фонетические критерии ввиду их несомненной исторической изменчивости (не всегда учитываемой) в различных группах алтайских языков для установления достоверности заимствований (особенно древних) оказываются во многих случаях шаткими, что нередко приводит к тому, что у разных авторов (а иногда и в разных работах того же автора) одна и та же лексема (или ее корень) представляется то заимствованием, то общеалтайским достоянием, то и тем и другим.

Как показал Т. А. Бертагаев в указанной выше работе, нет никаких серьезных оснований, ссылаясь на те или иные фонетические особенности реально засвидетельствованных (современных или старописьменных) монгольских и тюркских слов, утверждать, из какого в какой из этих языков были заимствованы

такие, например, слова, как тюрк. *саһдак* и монг. *sayadaγ* «колчан», тюрк. *тамһа* и монг. *Tamaγa* «печать, тавро», тюрк. *аріһ* и монг. *ariγun* «чистый», тюрк. *көк* и монг. *köke* «голубой», тюрк. *јүрәк* и монг. *jiṛüken* «сердце», тюрк. *әрк* и монг. *erke* «сила», тюрк. *ajak* и монг. *ajaγa* «чаша» и т. п. Ведь то, что в некоторых (в том числе старописьменных) монгольских языках при сопоставлении с некоторыми тюркскими языками (в том числе старописьменными) констатируется открытость или звонкое окончание конечного слога в плане сравнительно-историческом (генетическом) не только ничего не доказывает, а, напротив, требует специального исследования.

Лексические взаимозаимствования при соответствующих географических (территориальных) и общественно-исторических условиях возможны не только между языками неродственными, но и между языками (или диалектами) любой степени родства. Нет также, разумеется, оснований утверждать априори будто бы все, что в родственных языках является общим, восходит непосредственно к их праязыковому состоянию, а то, что в них существенно различается, должно быть не результатом их позднего обособленного развития, а только заимствованием из неродственных первоначально языков.

В разных диалектах нанайцев, близкое языковое родство которых очевидно, общее название, например, для «рыбы» звучит совершенно по-разному: *согдата*, *оло*, *имаха*. Пытаться сводить эти названия к одному архетипу бессмысленно. Сопоставление же этих слов с однозначными словами других тунгусо-маньчжурских языков — эвенк. *олло* ~ *олдо* ~ *олро*, негид. *оло* (<*олло*), маньч. *нимаха* — может натолкнуть на мысль о заимствовании. Но заимствования здесь могло и не быть, если учесть, что нан. (кур.-урм.) *оло* «рыба» генетически связано с нан. *холто*, ульч. *хол-то(н)*, удэг. *олоһо* «вареная свежая рыба, уха без приправы», а нан. *согдата*, ульч. *сугдата*, удэг. *Сугژهһә* «рыба» генетически связано с эвенк. *сугзан-на* ~ *сугзанда* ~ *сугзанра*, эвен. *хузанра* ~ *хузанда* — *хузанна*, нег. *согзана*, нан. (кур.-урм.) *согзана* «форель» или «ленок», подобно тому, как маньч. *нимаха*, нан. (бикин). *имаха* связаны с нан., ульч. *нимо* «ленок»¹⁷.

Не исключено, конечно, что нан. (кур.-урм.) *оло* «рыба» все же заимствовано из

какого-либо диалекта эвенков, а нан. (бикин.) *имаха* — из маньчжурского. Но это не только не опровергает очень близкого родства нанайских диалектов, да и всех тунгусо-маньчжурских языков, вместе взятых, а лишь свидетельствует о возможности лексических заимствований при развитии и близкородственных языков, не говоря уже о возможности таких взаимозаимствований между языками отдаленнородственными, особенно если эти языки (их словарный состав) в результате очень длительного обособленного развития значительно различаются по своему составу и по уровню своего развития, а носители соответствующих языков находятся на разных этапах эволюции общественного строя. Иными словами, наличие даже весьма обильных и несомненных лексических взаимозаимствований — не аргумент против родства той или иной группы языков, каким бы отдаленным это родство ни было. С помощью «теории заимствований» невозможно объяснить не только природу алтайской общности» но и природу общности каждой из групп алтайских языков, родство которых несомненно.

Известно, что в алтайских языках установлены и такие лексические «совпадения», о которых нельзя с уверенностью сказать — из каких языковых групп в какие они заимствовались да и заимствовались ли вообще.

Таковы, например, монг. *erekei* ~ *herekei* (< **perekei*) «большой палец», маньч. *фэрхэ*, нан. (бикин.) *пэрхэ* ~ *пэрэхэ*, ульч. *пуру(н)*, удэг, *хуэ*, эвенк, *хуругун* ~ *хурувун* ~ *уругун*, др.-тюрк, *erñäk* (**er-ñäk*) id.; монг. *gar* «кисть руки или рука», маньч. *гала* (<*gāra?*) нан. *ңала*, эвенк, *ңālэ* «рука», но также нан., эвенк, *гара* ~ *гар*, удэг. *гā* «сук, ветвь», маньч. *гарган* ~ *гарга* «ветвь, отрасль, члены тела (руки, ноги)», др.-тюрк, *qarı* «верхняя часть руки», *qarıš* ~ *qarıč* «размах рук»; монг. *kökün* «грудь, соски», маньч. *хухун*, эвенк, *укун* ~ *хукур*, нан. *ку(н)* ~ *укун'*, чуваш, *kakar*, др.-тюрк, *köküz* (< **kökür*) «грудь» и мн. др.¹⁸.

Подобного рода праалтайские по происхождению, как предполагается, слова значительно отличаются в засвидетельствованных древних и современных языках или языковых группах и по форме, и по значениям: не являясь во многих отношениях идентичными, что говорит об их длительном автономном развитии в каждой из языковых групп, в каждом из языков или диалектов той или иной

группы. Пути фонетической, морфологической и семантической эволюции этих и других общеалтайских (или отчасти общеалтайских, т. е. встречающихся не во всех алтайских языках) слов устанавливаются и изучаются с помощью применяемых в компаративистике методов: выявления звуковых соответствий, общих структурно-грамматических и семасиологических моделей, а также с помощью реконструкции их исходных форм и первоначальных значений, давших затем разные рефлексы в засвидетельствованных языках или «выпавшие» из некоторых языков бесследно.

Итак, в алтайских языках имеются такие общие лексические «совпадения», о которых в сущности невозможно или очень трудно сказать, в каком географическом направлении, из каких групп в какие они заимствовались и заимствовались ли вообще. Относя все же и такого рода «совпадения» к заимствованиям (возможно, «на уровне групповых праязыков»), Г. Дёрфер вместе с тем признает, что «в алтайских языках нельзя найти ясных критериев для разграничения заимствованных и изначально родственных слов». Не отрицая, следовательно, принципиальной возможности «изначально родственных слов» в этих безусловно неродственных, по его мнению, языках, он в то же время считает, что «и в таких случаях было бы осмотрительнее предполагать ... заимствования»¹⁹. Но ведь еще более осмотрительным было бы вообще отказаться от алтаистики, не пытаясь «синтезировать» то, что не может быть синтезировано.

Алтаистика, так сказать, без берегов, эклектическая смесь из старых алтаистических тезисов и новых антитезисов Г. Дёрфера, объявившего к тому же о подготовляемом им «Опыте сравнительной морфологии алтайских языков», основанном главным образом на своего рода «космополитических» морфемах, вызывает серьезные сомнения²⁰.

Либо алтайские языки так или иначе родственны (отдаленнородственны), и сравнительно-историческое изучение их необходимо, либо они, как утверждает Г. Дёрфер, никак не родственны, и тогда действительно сравнительно-историческое их изучение не только не нужно, но и невозможно. И никакое, повторяем, «синтезирование» диаметрально противоположных взглядов на

алтаистику, ее методы и задачи в сущности невозможно.

Сурово и основательно критикуя тех, кто пытается написать сравнительную грамматику, например, таких близкородственных языков, как тюркские, без всякой опоры на алтаистику, Г. Дёрфер заметил: «Ничто априори не ложно только потому, что это выдумал Рамстедт... примеры Рамстедта в большинстве ошибочны, но его правила (Regeln) по большей части как раз верны (только часто должны быть переосмыслены)»²¹.

Если, между прочим, учесть, что с одним из таких «правил» (реконструкции праалт. анлаутного *p- в пратюркском) Г. Дёрфер уже согласился, покончив со своим, как он заявил, необоснованным в данном вопросе скептицизмом, то пример его — другим наука, всем тем, кто на словах поносит так называемую традиционную алтаистику, но пользуется ее плодами, ибо без учета данных других алтайских языков (монгольских и особенно тунгусо-маньчжурских), а также без учета известных выводов сравнительно-исторической фонетики алтайских языков в целом, даже реконструкция пратюркского *p-, по-видимому, была бы крайне затруднительной.

II

Как ни важно сравнительное изучение лексики (особенно корневых морфем) для установления межъязыковых соответствий и определения природы общности алтайских языков, генетическое родство которых нередко отрицается или ставится под сомнение, по одним только лексическим материалам алтайскую проблему окончательно решить, по-видимому, нельзя.

Особое внимание данному вопросу недавно еще раз уделил один из основателей современной научной алтаистики Н. И. Поппе²².

Большинство сравнительных исследований в области алтаистики посвящено фонетическим соответствиям, установленным по данным лексики алтайских языков, в то время, как морфологические соответствия (за исключением известных работ Г. Рамстедта) изучались довольно редко. Это обстоятельство, отмечает Н. И. Поппе, составляет слабость (eine Schwäche) алтайской теории,

так как сравнение лексики и установление звуковых соответствий еще недостаточно для того, чтобы окончательно и безупречно доказать родство алтайских языков, ибо «теоретически любые слова могут быть заимствованы» (стр. 119). В принципе возможны, правда, и заимствования некоторых словообразующих морфем (например, франц. *-ette* в англо-американском *roomette* «спальное купе в ж.-д. вагоне» и т. п.), но, как пишет автор цитируемой работы, «в высшей степени невероятно, чтобы такие грамматические категории, как падеж или род могли быть заимствованы» (стр. 122).

К сказанному можно добавить, что если «заимствования» подобного рода все же наблюдаются, то это уже по существу заимствование (через ступень двуязычия) нового языка — родственного или неродственного, т. е. полная или частичная замена одного языка другим, даже если в этом другом остается кое-что от прежнего (отдельные слова или их основы, особенности вариантов фонем, акцентуации и т. п.). Ср., например, широко употребительные в районах Хабаровского края среди местного русского и нерусского населения, владеющего русским языком, глаголы типа *таловать*, *ангалить* и т. п. от нанайско-ульчск. *тала-* «строганина из свежей рыбы», *аңга-* «сеть для подледного лова». Нет никаких оснований для встречающегося еще иногда в лингвистической литературе утверждения, что в такого рода случаях произошло заимствование из русского в соответствующие нерусские языки словоизменительных глагольных морфем. И *таловать* и *ангалить* — это русские областные слова (глаголы) с первичными основами (корнями), заимствованными из нерусских языков.

Системы словоизменительных, да и многих словообразовательных морфем — парадигматические особенности морфологического строя языка — не заимствуются в отличие от почти неограниченного (теоретически) заимствования лексики. Известно, что корейский или османкотурецкий языки, содержавшие в некоторые периоды своего развития до 90% иноязычных слов из неродственных языков, не переставали оставаться таковыми, поскольку каждый из них сохранил парадигматические особенности своего грамматического строя.

В качестве показательных примеров общеалтайских суффиксов Н. Н. Поппе

приводит словообразовательные суффиксы для отглагольных существительных тюрк., монг., тунг. *-n, -gā-gē/-g*, а также тунг. *-t* и монг. *-d~* — суффиксы для образования вторичных глагольных основ. В числе общеалтайских суффиксов указываются, кроме того, эвенк. *-ča-* — показатель причастия прош. времени, а в монгольском и тюркском — показатель отглагольных имен (результата действия): монг. *ab-u-ča* «взятие», тюрк. *ber-i-š* «даяние» и т. п. Ср. еще нан. *ноңги-ча* «прибавление», *хуку-чэ* «завернутое, сверток», *ниру-чэ* «написанное, приписка» и т. п.²³.

Не рассматривая здесь других общеалтайских суффиксов, приведенных Н. Н. Поппе (транзитивно-каузативных *-gā, -bu*, совместного или взаимного действия *-ldu ~-ndu ~-l-, -du, -ča- ~š- ~ -č*, среднего залога *-rā-*) отметим, что полного совпадения — материального и функционального — во всех группах алтайских языков (а иногда и в одной группе близкородственных языков) они не имеют, хотя наличие общеалтайских черт в каждом из них несомненно.

Нельзя не согласиться и с общим выводом Н. Н. Поппе, сделанным на основании рассмотренных фактов: «О заимствовании суффикса *-л* эвенками у монголов или монголами суффикса *-ča-* у эвенков не может быть и речи» (стр. 122). То же относится и к другим общеалтайским суффиксам, количество которых, по сравнению с общими («совпадающими») словами, хотя и не велико, но для решения вопроса о природе общности алтайских языков весьма существенно.

Изучением некоторых проблем алтаистики занимался и компаративист В. М. Иллич-Свитыч, уделивший значительное внимание вопросам сравнительно-исторической фонетики языков алтайской семьи²⁴.

Родство алтайских языков В. М. Иллич-Свитыч признает научно обоснованным лишь начиная с известных трудов З. Гомбоца, Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе, публикация которых началась с первых десятилетий нашего века²⁵.

Характерно, что В. М. Иллич-Свитыч в отличие от ряда алтаистов особо подчеркнул «весьма отдаленное», родство трех алтайских групп — тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, — считая вопрос о принадлежности

корейского языка, а также японского, к алтайской семье еще не разрешенным.

Алтайская языковая общность, как предполагает автор, распалась значительно раньше других пяти больших языковых семей, включаемых в так называемую ностратическую макросемью, о чем свидетельствуют глубокие расхождения (особенно в области основного словарного фонда) между отдельными группами алтайских языков.

Таким образом, время распада алтайского праязыка должно быть отнесено по крайней мере к десятому тысячелетию до нашей эры, а время распада праязыковых единств таких близкородственных языков, как тюркские, монгольские или тунгусские, отодвинуто к 3—4 тысячелетию до нашей эры.

Как ни условна такая относительная хронологизация отдаленных от нас тысячелетиями предполагаемых процессов языковой дифференциации, с ней, по-видимому, следует считаться — и при общей оценке степени исконной алтайской общности, и при опытах реконструкции элементов-праалтайского языкового состояния, а также при опытах реконструкции дратюркского, прамонгольского или пратунгусского уровней. Реконструкции эти — общеалтайская и групповые — не могут не различаться и в количественном, и в качественном отношении, а также в степени достоверности предлагаемых архетипов. Одни из них (праалтайские) всегда окажутся реконструкциями очень дальними, другие — сравнительно ближними.

Перед алтайской сравнительной грамматикой стоит еще много нерешенных проблем, особенно в области сравнительной морфологии и этимологических исследований. Отмечая это, В. М. Иллич-Свитыч, как и некоторые алтаисты, обращает внимание на недостаточно полное использование для алтаистических реконструкций материалов тунгусо-маньчжурских языков. (К тому же, добавим, часто по недостаточно точным данным, опубликованным в начале нашего века или даже в середине прошлого.)

Возражая противникам алтайской теории, пытающимся свести все сходства между группами алтайских языков к взаимовлияниям неродственных первоначально языков, В. М. Иллич-Свитыч вслед за некоторыми алтаистами

писал: «После снятия заимствований различных периодов: остается определенная группа лексических и морфологических сходств, которые могут быть объяснены лишь при признании генетического родства алтайских языков». Если даже эти сходства попытаться истолковать как наиболее древний слой заимствований, то и тогда окажется постулированным языковое состояние, не являющееся ни прототюркским, ни протомонгольским, ни прототунгусским, а только протоалтайским.²⁶

Все это в плане общетеоретическом может быть признано вполне убедительным, но утверждение В. М. Иллича-Свитыча, согласно которому «основные черты алтайского праязыка вырисовываются уже сейчас достаточно четко»²⁷, кажется нам преждевременным.

Где и когда, а главное в каких общественно-исторических условиях мог сложиться и развиваться язык (или диалекты) протоалтайской этнической общности, отдаленной от нашего времени и времени глотто- и этногенеза прототюркских, протомонгольских и прототунгусских лингво-этнических общностей многими тысячелетиями и рядом сменившихся социальных эпох?

Можно думать, что сложившиеся некогда протоалтайские родоплеменные этнические коллективы не находились уже на первоначальных этапах антропо- и глоттогенеза. Но все же, каковы теоретически возможные формы общественного бытия носителей протоалтайского языка и каковы хотя бы самые общие черты грамматического строя и словарного состава этого языка? Ответ, который можно найти у В. М. Иллича-Свитыча на вторую часть этого вопроса («основные черты алтайского праязыка»), вызывает много сомнений²⁸.

В самом деле, возможно ли при современном уровне развития компаративистики и по тем далеко не достаточным лингвистическим и историко-этнографическим данным, которыми располагает алтаистика, пытаться восстановить структуру протоалтайского языка в конкретных формах и значениях ее компонентов?

Осуществить это, не перенося вольно или невольно в гипотетический протоалтайский язык многое из того, что оказывается общим в засвидетель-

ствованных высокоразвитых алтайских языках, еще никому не удавалось.

Ведь, если, как полагает В. М. Иллич-Свитыч, в протоалтайском реконструируются слова, означающие элементарные действия и качества, названия частей тела и форм родства, названия многих животных и растений, слова, выражающие пространственные отношения, личные, указательные и вопросительные местоимения, а также многие разряды аффиксов (падежа, числа имени, залоговых форм глагола и т. п.), то в чем заключается прогрессивное развитие структуры этих языков от, скажем, неолита до наших дней?

Неужели только в фонетических модификациях и количественных изменениях различных компонентов языковой структуры, не предполагающих каких-либо ее качественных изменений?

Местоимения (или их доместоименные прототипы) возникли, должно быть, очень рано. Они могли быть и в протоалтайском. Но системы местоименных посессивных и предикативных суффиксов (морфологические дериваты местоимений) возникали, хотя бы и на общем, протоалтайском материале, довольно поздно, и, как показал Г. Рамстедт, в уже обособившихся группах алтайских языков. Не во всех из этих языков они имелись и имеются²⁹. Их нет и не было, например, в маньчжурском. В некоторых монгольских — это еще «полусуффиксы» (частицы).

Возражения вызывают и реконструкции праалтайского консонантизма, предложенные В. М. Илличем-Свитычем и ориентированные на некоторые особенности фонологических систем других лингвистических семей, включаемых в упомянутую ностратическую сверхсемью. Таковы прежде всего предложенные им «троичные») фонологические противопоставления пра-алтапски\ инициальных согласных: **t'*, **t*, **d* или **k'*, **k*, **g*, а также **p'*, *p*, *b*.

Для восстановления праалтайских аспирированных **t'*, **k'*, **p'*, если отвлечься от несомненных инноваций в консонантизме отдельных тюркских и монгольских языков (инноваций, развившихся, как известно, под влиянием иноязычных, неалтайских, фонологических систем), оснований нет. Фонологическое противопоставление звонкие/глухие далеко не всегда характерно и для консонантизма некоторых засвидетельствованных алтайских языков. Проецировать его в праалтайское состояние

поэтому невозможно, если не пытаться представить очень раннюю (исходную) консонантную праалтайскую систему в виде своего рода кульминации всего того, что в той или иной мере отмечается в известных алтайских языках как в виде архаизмов, так и в виде инноваций, связанных, в частности, с фонологизацией тех или иных вариантов одной протофонемы в ее разных фонетических модификациях: [t ~ t' ~ č], [d ~ d' ~ ž], [k ~ k' ~ č], [g ~ g' ~ ž]. [p ~ φ ~ h°] и т. п.

III

Итак, если не касаться больше явно нигилистического отношения к проблеме происхождения алтайской общности и к алтаистике в целом, то и среди сторонников современного алтайского сравнительного языкознания нетрудно заметить значительные различия в оценке состояния и перспектив развития данной отрасли науки о языке. Для одних алтаистов генетическое родство (пусть даже весьма отдаленное) между основными группами алтайских языков,— неоспоримый факт, доказываемый имеющимися и продолжающимися опытами создания сравнительно-исторической грамматики и лексикологии этих языков. Для других — алтаистика, в том числе родство алтайских языков, — вполне вероятная и очень полезная теория, без учета и разработки которой практически неосуществимо углубленное сравнительно-историческое изучение отдельных групп алтайских языков, таких, как тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и некоторые другие.

Подчеркивая бесспорность наличия общих элементов в лексике, фонетике и грамматике основных групп алтайских языков (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских), А. Н. Кононов предложил воспринимать соответствующие факты как «непосредственную действительность», которая должна быть использована для установления древнего вокализма, консонантизма и морфологии тюркских и других алтайских языков. Пользуясь данными только тюркских языков (данными древних памятников, диалектов и современных литературных языков), писал А. И. Кононов, нельзя представить состояние этих языков глубже V в. п. э., ибо за это время фонетический и грамматический строй тюркских языков изменился столь незначительно, что основываясь на названных материалах «невозможно воссоздать тюркскую праязыковую схему даже как первичную рабочую гипотезу»³⁰,

Одной из иллюстраций и убедительным подтверждением этого вывода может служить уже упоминавшаяся «Сравнительная фонетика тюркских языков», написанная одним из противников алтайской теории А. М. Щербаком. Не касаясь здесь предложенных автором реконструкций пратюркского вокализма и

консонантизма (это — тема особая), заметим, что приложенный к «Сравнительной фонетике» список общетюркских слов (стр. 193—198), представляющий собою попытку выделения примерно пятисот пратюркских форм односложных корневых морфем, содержит, как правило, формы и значения, отличающиеся от таковых же, но засвидетельствованных в тех или иных из известных тюркских языков, только тем, что в списке они помечены «звездочкой» и отнесены автором приблизительно к началу нашей эры (за 7—8 столетий до появления первых тюркоязычных памятников письма).

Так, например, пратюркское, по А. М. Щербаку, **at* «лошадь», совпадает с формой этого слова (*at*) во многих известных старых и новых тюркских языках или их диалектах.

Между тем современное тюрк. *at* «лошадь, конь» при учете данных других алтайских языков реконструируется как **akt < *akta* (Ср. монг *ayta < *akta* «мерин»). Имеются и другие опыты реконструкции праформь этого слова³¹. Г. Дёрфер на основе данных халаджского языка восстанав ливает архетип **pat(a) > *hat > at*, считая, что так называемый протетический тюркский *h-* восстанавливается в прототюркском, как и в других алтайских группах, в виде инициального **p-*³².

Пратюрк., по А. М. Щербаку, **õs* «сам, существо, сущность, жизнь (ср. туркм. *õz* ~ турецк. *öz* ~ якут, *üos* ~ алт. *üs* и т. п., но чуваш, *var* тюрколога-алтаисты с учетом чувашской формы и соответствующих данных монгольских языков реконструировали в виде пратюрк. **õr* «сердце вина; нутро; основа» и т. п., а затем и «сам ~ сами»/«свой ~ свои». Весьма вероятно генетическая связь этого *õz < *õr* с другим, по А. М. Щербаку пратюрк. **поб* «тело, туловище, рост» (ср. тюрк, *boj ~ bod ~ bod̄*, *poj ~ pos ~ pozi*, а также монг. *bodo*, монг. и тунг, *beje ~ bæj̄ ~ bæj* и т. п. «тело, туловище, рост» и т. п., а затем и «сам/свой»).

Учет данных не только тюркских, но и других алтайских языков дает основания для реконструкции общеалтайского архетипа **bör ~ *böri* -имени с широким кругом значений «племя, парод, человек», а затем в боле. поздние эпохи и «сам, свой»³³.

Совсем по-иному в свете общеалтайских данных предстают и такие весьма ближние пратюркские, по А. М. Щербаку, реконструкции, как **пол-* «быть, происходить, становиться» или **пар* «есть, иметься»³⁴ и мн. др.

Учет данных сравнительной фонетики и морфологии тунгусо-маньчжурских языков, сохраняющих много такого, что для тюркских и монгольских, как находят многие алтаисты, оказывается давно пройденным этапом эволюции звукового и грамматического строя последних, дает основания для выдвижения целой серии научных гипотез, относящихся к весьма отдаленному прошлому всех алтайских языков.

Изучение внутри- и межъязыковых звуковых соответствий в корневых и суффиксальных тунгусо-маньчжурских морфемах наводит на мысль о значительно меньшем количестве фонологических противопоставлений внутри гоморганных типов согласных в историческом прошлом этих языков. Если, например, в корневых морфемах различные инициальные билабиальные обычно выступают как отдельные фонемы (случаи вроде эвенк. «звен» *wā-* ~ *bā-* ~ *mā-* «убить, добыть», или нан., ульч. *bi* ~ *mi* «я», *buə* ~ *mū* «мы» и др. в общем не типичны), то в морфемах суффиксальных — например, в лично- и безличнопритяжательных окончаниях тунгусских языков или в показателях винительного-определяющего падежа — комбинаторные чередования *[b ~ p ~ f ~ w]*, подобно комбинаторному (сингармоническому) чередованию суффиксальных гласных, фонологически не противопоставляются, выражая однозначные алломорфы (фонетические варианты одних и тех же суффиксальных морфем). Такого же рода явления наблюдаются и при изучении межъязыковых соответствий внутри некоторых других гоморганных типов согласных: *[d ~ t]*, *[g ~ k]*, *[l ~ r]*, а также *[t ~ d]*, *[g ~ ʒ]*.

Сравнительно-историческое изучение не только корневых, но и суффиксальных морфем, восходящих в конечном счете к морфологически нечленимым односложным комплексам — согласный плюс гласный — приводит к выводу о первоначальном противоположении праалтайских согласных фонем только по основному органу их артикуляции (губно-губные/переднеязычные/среднеязычные/заднеязычные) без фонологического их

противопоставления по глухости/звонкости, палатализованности/непалатализованности, аспирированности/неаспирированности, а также по смычности/проточности, при отсутствии многочленного фонологического противопоставления внутри категории гласных. Дальние гипотетические реконструкции, позволяющие говорить о досингармоническом и доаффиксальном протоалтайском состоянии, способствуют объяснению многих пережиточных явлений, отмечаемых в той или иной мере в засвидетельствованных алтайских языках. (Например, по-разному называемый безаффиксальный именительный падеж, выступающий нередко и в функции суффиксально-оформленных косвенных падежей — родительного, винительного, местного.) В свете такого рода дальних реконструкций могут быть со значительной степенью вероятности объяснены и многие характерные типологические черты известных алтайских языков, обобщаемые иногда только в ближних реконструкциях, относящихся к той или иной группе близкородственных языков, входящих в число алтайских. Историко-типологический аспект сравнительного изучения этих языков во взаимодействии с основным сравнительно-историческим аспектом, а также с аспектом лингво-социологическим, только и могут помочь ретроспективному воссозданию общих черт исходного состояния алтайской языковой общности. Дальние реконструкции фонетической системы и реконструкция типа грамматического строя алтайских языков — не конечная цель, а необходимое средство для установления как общих, так и специфических закономерностей развития системы строя алтайских языков. В их свете могут быть поняты и научно объяснены реально засвидетельствованные особенности строя этих языков. Алтаистика как новая развивающаяся отрасль сравнительно-исторического языкознания (при всех ее действительных и многих мнимых недостатках) способствует прогрессу в области научного изучения и описания многочисленных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков. Игнорирование же или отрицание «так называемой традиционной алтаистики» ведет к застою, к плоскостному по преимуществу описательству по давно установившимся шаблонам звукового и грамматического строя тех или иных алтайских языков без серьезных попыток понять общие и особенные закономерности развития их структуры.

Наблюдающееся порой в некоторых праалтаистических работах стремление представить праалтайское состояние как некую кульминацию всех важнейших компонентов общеалтайской структуры, по принципу — каждой известной фонеме своя прафонема или каждой известной морфеме своя праморфема — лишено необходимых теоретических и фактологических оснований. Засвидетельствованные алтайские языки — не результат какой-то деградации праалтаиского состояния, а итог многовековой эволюции и прогресса первоначально более простой и менее дифференцированной во всех отношениях структуры — звуковой, грамматической и семасиологической.

Значительные трудности и временные неудачи на пути сравнительно-исторического изучения алтайских языков, возобновляемого в нашей стране после длительного перерыва, не должны порождать у тех, кто занимается сравнительным алтайским языкознанием, скепсиса или ощущения краха, о котором не перестают твердить некоторые антиалтаисты, иногда прокламирующие какую-то новую «синтетическую» алтаистику взамен «изъезженной» и зашедшей якобы в туник алтаистики классической.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: О. П. С у н и к, Проблема общности алтайских языков, сб. «Проблема общности алтайских языков» (далее — ПОАЯЗ), Л., 1971.

² Э. А. М а к а е в, [рец. на кн.:] «Проблема общности алтайских языков», ВЯ, 1973, 4, стр. 142,

³ Подробнее см.: Э. А. М а к а е в, О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972, стр. 290 и сл. (с указанием и критическим разбором литературы вопроса).

⁴ В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 351.

⁵ Л. Лигети, [рсс. на кн.:] Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских

языков, I, ВЯ, 1955, 5; его же, Алтайская теория и лексикостатистика, ВЯ, 1971, 3.

⁶Л. Лигети, [рец. на кн.:] Г. Д. Санжсев..., стр. 135.

⁷Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5.

⁸Л. Лигети, Алтайская теория и лексикостатистика, стр. 33.

⁹А. Рона-Таш, Общее наследие или заимствования?, ВЯ, 1974, 2, стр. 45. Ср.: Н. А. Сыромятников, Как отличить заимствования от исконных общностей в алтайских языках?, ВЯ, 1975, 3.

¹⁰А. Рона-Таш, указ, соч., стр. 45.

¹¹Имеем в виду не опровержения чисто вербальные («не верю в родство», «его нельзя доказать, но невозможно и опровергнуть» и т. п.), а только научнообоснованные, предполагающие то или иное объяснение происхождения бесспорного факта материальной и структурно-типологической общности алтайских языков — факта, который никак не снимается ссылкой на несомненные или сомнительные (теоретически возможные?) лексические заимствования, в том числе заимствования на уровне праязыка или праязыков (общеалтайского или групповых).

¹²Л. Лигети, Алтайская теория и лексикостатистика, стр. 33.

¹³G. Doerfer, Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. «Orientalistische Literaturzeitung», LXVI, 7/8, 1971, стлб. 325—344. .

¹⁴Откликом на эту обстоятельную рецензию Г. Дёрфера, содержащую вместе с тем немало спорного, и на некоторые его другие работы явилась статья: Э. В. Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций, ВЯ, 1973, 2.

¹⁵См. также: Г. Дёрфер, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, ВЯ 1972, 3. Ср. ст.: Л.Г. Герценберг,

Об исследовании родства алтайских языков, ВЯ, 1974, 2, явившуюся ответом на некоторые замечания Г. Дёрфера против алтайской теории.

¹⁶Начиная по крайней мере с одной из ранних работ Б. Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке» (1911), написанной еще до полного и безусловного признания ее автором генетического родства алтайских языков, и кончая другими многочисленными работами как алтаистов, так и антиалтаистов, вопросы лексических вааимозаимствований {иначе — «лексических параллелей») в алтайских языках освещались многократно — и внутри отдельных близкородственных групп языков, и между языками, принадлежащими к разным группам — тюркской и монгольской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, а также этой последней и тюркской. Неоднократно выдвигались и методы (критерии) установления заимствований: фонетический, семасиологический (в том числе этимологический), структурно-грамматический (морфологический), а также культурно-исторический, лингво-географический и т. п. См., например, указанную статью Л. Рона-Таша, где приведены многие примеры заимствований. Об актуальности этой проблемы и далеко не полной ясности в ее решении свидетельствуют значительные расхождения между теми, кто ею так или иначе занимался. См., например, статью: Т. А. Б е р т а г а е в. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках, ПОАЯЗ, стр. 90 и сл., содержащую ряд убедительных доводов против упрощенного объяснения многочисленных тюрко-монгольских «параллелей» односторонними заимствованиями из тюркских языков в монгольские. См. еще: К. А. Н о в и к о в а, Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурских наименованиях животных, ПОАЯЗ, стр. 236 и сл., а также: Н. А. Сыромятников, указ. соч.

¹⁷ Подробнее см.: В. И. Ц и н ц и у с, Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков, ПОАЯЗ, стр. 82 и мел.

¹⁸ Подробнее см.: N. P o p p e, A new Symposium on the altaic theory, «Central Asiatic Journal», XVI, I, 1972, стр. 43 и сл. Ср.: А. Рона-Таш, указ, соч., особенно стр. 44. См. также: В. Д. Колесникова, О названиях частей тела в алтайских языках, ПОАЯЗ, стр. 140 и сл. Многочисленные примеры лексических «совпадений» систематизированы и рассмотрены в сравнительно-историческом плане в

кн.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1972; см. также «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», М, Л., 1975.

¹⁹ Г. Д е р ф е р, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, стр. 62.

²⁰Ср.: Э. В.- Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций (особенно стр. 38, примеч. 13).

²¹G. D o e r f e r, Bemerkungen zur Methodik..., стлб. 344.

²² N. Poppe, Über einige Verbalstammbüdungssuffixe in den altaischen Sprache, Orientalia Suecana», XXI (1972), Uppsala, 1973. Ср. также вышеуказанную его статью «A new Symposium on the Altaic theory».

²³ Подробнее см.: О. П. С у н и к, Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, М,— Л., 1962, стр. 233.

²⁴ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, Алтайские дентальные: *t, d, ð*, ВЯ, 1963, 6, -стр. 51 и сл.; его же, Алтайские гуттуральные *k', *k, *g, сб. «Этимология. 1964», М., 1965, стр. 338 и сл.; е г о ж е, Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (В — Қ), М., 1971 (особенно стр. 67—72).

²⁵ К такому заключению давно уже пришел и Е. Д, Поливанов. См. его статью «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских" языков», ИАН, серия VI, т. XXI, 1927, 15—17, где, кроме того, еще отмечается большая заслуга Б. Я. Владимирцова в разработке основ сравнительной грамматики алтайских языков.

²⁶ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, опыт сравнения ностратических языков, стр. 69.

²⁷Там же, стр. 67.

²⁸Там же, стр. 6—37 (сравнительные таблицы).

²⁹ Г. И. Р а м с т е д т, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М.,

1957, стр. 72.

³⁰А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917 — 1967, М.1968: стр. 22.

³¹Э.В.Севортян, Этимологический словарь тюркских языков, М., 1974 стр. 197—198.

³² Кроме данных халаджского языка, для реконструкции общеалтайского анлаутного **p-* (*>f-> h-> Ø*) в пратюркском существенное значение имеет и тибетская транскрипция др.-тюрк. *h-*. См.: А. Рона - Таш, указ, соч, стр. 38 (примеч. 10, со ссылкой на исследование Л. Лигети).

³³Ср.: О. П. С у н н к, К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках, ПОАЯЗ, стр. 263 и сл.

³⁴Ср.: О. П. С у н и к, О глаголах «быть» и «стать» в алтайских языках, там же стр. 386 и сл.